

ПЕРЕВАЛ

АЛЕКСАНДР
ЛИГРАС

16+

Александр Лиграс

Перевал

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66728226

SelfPub; 2021

Аннотация

Долгие пятьдесят лет я вынужден был хранить секрет гибели моих сослуживцев, друзей, братьев... Сейчас, спустя этот колоссальный период жизни, мною движет желание донести до людей правду гибели пяти солдат на проклятом перевале Духов.

Кевин Л. Марш

Александр Лиграс

Перевал

Как только мне стукнуло восемнадцать лет, я сразу же проявил желание служить во славу своей Великой страны. Родные и близкие с радостью восприняли эту затею, полностью поддержав, тем самым наполнив меня уверенностью. К тому же, военных у нас хватало, поэтому меня даже и не пытались отговаривать.

Пройдя утомительные медкомиссии и распределения, гремучая нить судьбы привела меня в небольшой провинциальный городок Блекрок. Он пустил корни в северной части нашей страны. И, когда я говорю в северной, это означает не что иное, как лютые зимы с метровыми сугробами, а также очень скоротечное лето.

Блекрок располагался между двух невысоких, но протяженных горных цепей, служивших надежным бастионом, скрывавшим это уютное, но суровое место. Местные жители были самые обычные. Как и в любой провинции, они имели свои причуды и немудреные жизненные ценности. В основной массе трудолюбивые и дремучие, горожане проживали каждый день без оглядки на прошлое и мыслей о грядущем. Стоит упомянуть и об их склонности к суеверию. Я имею в виду несколько праздников, слышать о которых мне раньше не приходилось, да и после ничего подобного не встречалось.

Даже сейчас, пытаясь разворошить те кошмарные воспоминания, я нервничаю; с каждым новым словом, с каждой мимолетной мыслью тело покрывается гусиной кожей, а пальцы начинают дрожать. Но я должен донести до масс правду, насколько бы она безумно ни звучала. Пусть мало кто и сможет поверить в такие бредни, однако я пишу это не ради скептиков, а ради родственников, чьи сыновья, мужья и отцы не вернулись со спасательной операции.

Отчетливо помню день, когда поступил приказ на выдвижение к одному из перевалов. В Блекрок можно было попасть двумя путями; первый пролегал через перевал Благого ветра, с хорошей дорогой, ведущей к порту и основным шоссе штата. Другой проходил по грунтам через перевал Духов. О втором и пойдет речь...

В полдень лейтенант Карл Даконскас сообщил о сигнале бедствия, поступившем с территории перевала «Духов». Судя по всему, он исходил от заплутавшей или же попавшей в иную передрагу группы туристов, решившихся на вылазку к заснеженным склонам. Ситуация была серьезная, раз в помощь спасателям и полицейским города решили направить военнотружущих.

Как оказалось, сильный снегопад усложнял поиски туристов, а подготовленные для работы в таких условиях солдаты пришились бы кстатн. Спустя пятнадцать минут была сформирована группа из тридцатн добровольцев. Точнее говоря, двадцатн, а остальных в приказном порядке выбрал сам

лейтенант. Не могу сказать, что парни с энтузиазмом приняли решение старшего по званию, но противиться не стали. За исключением одного – Нормана Годалау. Он, конечно, не устроил скандал или как-то пытался оспорить приказ, но всячески старался уговорить лейтенанта не брать его, что было странно, ведь он единственный житель Блекрока, служивший в части. Но приказ есть приказ...

Нам выдали необходимую экипировку и, погрузив в грузовик, отправили к штабу командования операцией. Прибыв на место, лейтенант распорядился ждать, а сам удалился для получения информации о дальнейших действиях. Холодина была ещё та, даже сидя в кузове машины, мы чувствовали пронизывающий ветер, словно сам хозяин гулял на перевале. Однако никто не жаловался, поскольку солдаты лучшей армии мира не имеют в уставе такого пункта. Лишь Норман вел себя как-то странно. Он постоянно вертел головой, пытался вслушиваться в музыку ветра и вздрагивал при сильном порыве, часто ударявшем в кузов. Все вокруг переговаривались, шутили и просто коротали время в ожидании прихода лейтенанта. Он же с угрюмой физиономией погрузился в свои мысли, изолировав себя от беззаботной атмосферы, царившей в тот момент.

По возвращении лейтенант вкратце сообщил о сложившейся ситуации и поставил задачу перед личным составом: обыскать назначенный квадрат поиска, выходить на связь каждые пятнадцать минут, а при обнаружении полезной ин-

формации докладывать незамедлительно. Он также поделил нас на четыре группы по семь человек и два солдата оставил при себе для координации наших действий.

Все бы ничего, но я оказался в группе с Норманом Годлау, о чем вскоре пожалели. Еще в воинской части, когда нам сообщили о необходимости отправиться на перевал Духов, он странно себя повёл, однако, узнав, что квадрат поисков самый дальний, разразился тирадой, посвященной некомпетентности лейтенанта. Выхodka из ряда вон, поэтому мы все застыли в ступоре от этой дерзости.

Но приказы не обсуждают, а выполняют. И страх перед законом и наказанием за его невыполнение убедил Нормана заткнуться и выполнить требование Даконскас. Если бы я знал истинные причины такого поведения местного жителя, с вероятностью в сто процентов поддержал бунт. Но история не терпит сослагательных наклонений, так что мы выдвинулись на исполнение приказа.

В течение часа, пока мы добирались до места, я поддался любопытству и несколько раз попытался выведать у Нормана, что послужило поводом его переживаний. Сперва он молча игнорировал меня, затем все же у нас получился диалог, однако смысла в нем не было. С каждым преодоленным сугробом его язык развязывался сильнее, но добраться до фундаментальных причин такого вольного поведения не удавалось.

Кроме упомянутого Нормана, со мной также отправились

Томи Роко – потомок итальянских эмигрантов и большой мастер по части заболтать кого-то до смерти; Питер Траун – классический англосакс, ни больше ни меньше; Джон Диден – техасский ковбой, шуткой судьбы посланный в снежный край; Айзик Ларуна – самый старший и самый взвешенный из нашей группы; и Боб Сноу – просто большой Боб. Смею заметить: команда собралась что надо. Мы все прекрасно общались и знали друг друга очень хорошо. Можно сказать, за время службы нам удалось стать друзьями. Опять-таки за исключением Нормана, который умудрялся в большом армейском коллективе держаться особняком.

Погода ухудшалась все сильнее и сильнее, как бы сообщая, что мы чужаки и должны вернуться обратно. Однако полученный приказ не позволял нам сделать это. Да и нужды не было, по крайней мере первый час. Мы держали связь с координаторами каждые пятнадцать минут, пока не поступила команда увеличить интервал до тридцати минут. После выхода в необходимый квадрат мы должны были провести там два часа, а потом сообщить о возвращении и отправиться обратно по маршруту.

Собственно говоря, отсюда и берёт начало провал спасательной операции. Мы шли вдоль пологого склона. По правую руку стоял высокий заснеженный лес, из которого мог выскочить медведь или россомаха, что было вовсе не редкостью для здешних мест. На такой случай нам выдали штатное оружие. С другой стороны уходил вниз резкий обрыв с ост-

рыми камнями, заточенными тальными водами. Это тот случай, когда красота и впрямь может оказаться смертельной.

Я не слушаю, если скажу, что было тяжело. В такие моменты человек, как правило, пытается отвлечься от процесса, что и произошло: Томи решил вспомнить занимательную статью, прочитанную в местном журнале, о легендах и преданиях здешних мест. Там говорилось, что природа перевала Духов является разумной, поскольку древние народы, населявшие эти широты, являлись язычниками, сливавшимися по истечении своей жизни с природой, тем самым принося крупицу человеческого интеллекта к силам стихий. Как только нога недостойного и порочного ступала на святую землю, на него обрушивался неосызаемый гнев, оставляя посягнувшего навеки в этом загадочном месте. Отсюда перевал и берет название.

Но парни ответили Томи издевкой. Мол, туристы оказались не совсем чистые сердцем и тоже срослись с землёй. Далее последовали шуточки, порой весьма пошлые, под стать молодым парням, о том, кто и как бы сливался с природой.

Этот балаган мог продолжаться бесконечно, но раздраженная и грубая ремарка Нормана оборвала словесную перебранку:

– Все это неправда, причина исчезновения на перевале людей вовсе не связана с погодой...

Поскольку на протяжении часа Норман молчал, его слова прозвучали очень громко, можно сказать, буквально удари-

ли по ушам.

– О чем ты? – переспросил я его.

Норман не сразу ответил. Он сперва покрутил головой по сторонам, как бы высматривая что-то, затаившееся в сугробах. Закончив озираться, продолжил:

– Я говорю, что погода тут не при делах... Вы думаете... это первая группа, которую ищут здесь?

– Раньше тут тоже терялись люди? – переспросил его Айзик.

– Терялись? – риторически переспросил Норман. Это прозвучало как-то непривычно. Из его уст ранее не приходилось слышать подобное. Одно единственное слово несло в себе не просто пренебрежение к чужакам. Нет, оно повесило в воздухе жуткую, зловещую ауру.

Я понял: сейчас моё любопытство будет утолено. Поэтому спросил:

– Так и что с ними происходило?

– Вы, разумеется, знаете, что я представитель местного населения и живу в этих широтах всю жизнь. С самого детства всех детей из Блекрок и его окрестностях учат двум вещам: знать, что такое хорошо, а что плохо; и ни при каких обстоятельствах не посещать перевал Духов. Это должны знать все как «Отче наш».

– Не тяни, Норм, давай уже к сути! – вскрикнул Боб.

– Это проклятое и зловещее место. Время здесь останавливается, граница между реальностью и явью размывается.

Все, кто сумел выбраться отсюда, сходили с ума. Они рассказывали о кошмарных голосах, жутких, нечеловеческих фигурах... вспоминали неизменный крупитчатый пар, что возникает при дыхании на морозе...

– А те, кто не вернулся?

– Боб, судя по всему, Бог дал тебе внушительные размеры, однако обделил количеством мозга. Те, кто не вернулся, разумеется, ничего не рассказали, поскольку исчезли! – с издевкой ответил Томи на вопрос большого Боба.

Громила не обиделся. Он и, правда, был весьма крепок и не очень смывленный, но со смирением принимал подобные выходки Томи, поскольку очень уважал и ценил дружбу с этим засранцем.

– Так вот, – продолжал Норман, – все это преследовало бедняг на протяжении их прогулок по местам, где мы сейчас находимся. А когда им удавалось выбраться, жуткие галлюцинации следовали за ними.

– Норм, неужели вы, местные, верите в эти байки? Подобные сказки мне рассказывали на ночь примерно в десятилетнем возрасте, – вставил Айзик.

Норман покачал головой:

– Это ещё не конец. Самое главное – происки здешнего хранителя – хозяина перевала... Он охраняет мистические тайны, скрытые в здешних хребтах от человеческого глаза...

Посмотрев на часы, которые говорили о минутной готовности к связи со штабом, я прервал столь чудной рассказ.

Сообщив координаторам о месте положения и уточнив дальнейшие действия, отдал команду продолжить движение.

Погода по-прежнему была неумолима, что начинало надоедать членам группы. Среди моих товарищей пошли разговоры о целесообразности продолжения исполнения приказа лейтенанта. В ответ я предложил сообщить о затруднении дальнейшего выполнения задачи в следующем сеансе связи, что было воспринято положительно.

Спустя пару минут Томи решил возобновить уже слегка позабытый разговор:

– Вот скажи, Норм, может быть, лейтенанту те образы и голоса нашептали на ушко, чтоб он нас отправил сюда задницы поморозить?

Норман никак не отреагировал. Продолжая молча идти, он оставался единственным, кто не причитал и смиренно шёл вперед.

Подошло время для очередного сеанса связи. Достав рацию и нажав на кнопку, я стал связываться со штабом. В ответ слышал лишь шум пустого эфира. Сделав ещё несколько попыток и получив аналогичный результат, я попросил своих сослуживцев повторить то же самое, предположив, что моя рация могла повредиться попавшим в неё снегом.

Первый, кто повторил мои действия, оказался Айзик. Ничего не вышло... Все тот же раздражающий, трескающий звук. Затем остальные парни попробовали установить связь. Не получилось... Смена частоты на резервную аналогично

не дала результатов. Томи предложил настроить рации на один канал связи и постараться проверить, сможем ли мы хоть услышать друг друга. Ничего не поменялось... Крайне странно, поскольку наше оборудование работало и функционировало: лампочка мигала, а миниатюрный экран горел тусклым зеленым цветом с цифрами волн приёма.

За этой проблемой и дополнительным напряжением мы не заметили, как у Нормана окончательно стали сдавать нервы на фоне его предубеждений и дремучести интеллекта деревенщины. Но через некоторое время бурчание парня стало доноситься до наших ушей:

– Это он... За нами уже следят. Нужно бежать... скорее...

– Норман, успокойся. Это просто помехи и сбой. Единственное, кого сейчас стоит бояться и винить, так это погоду.

– Ты не понимаешь! Это хозяин, и он уже рядом! Мы все сгинем, умрем на этом чертовом перевале!

– Во-первых, хватит орать, а во-вторых, соберись уже. Ты же солдат! – я пытался его вразумить.

Мне показалось, что это помогло, поскольку парень заткнулся. Теперь можно было принимать решение, и я командовал обойти небольшую возвышенность, которую мы миновали пол часа назад. Там был последний сеанс связи, вдобавок открывался вид, где при благоприятных обстоятельствах можно было увидеть огни центрального штаба, находившегося примерно в шести километрах.

Я точно помню, как мы придерживались того же маршру-

та и следовали четко координатам. Однако спустя тридцать минут случилась не что иное, как настоящая чертовщина.

– Мне кажется, или мы тут были?

– Нет, Боб, мы сделали гребаный круг... – растерянным и удивленным голосом ответил Томи.

Так и было... Я не мог поверить своим глазам, как это могло произойти, поскольку самостоятельно отмечал все ключевые точки и вел группу по карте. Спустя некоторое время на этом фоне у нас случилась перепалка. Детали не столь важны, но, как нетрудно догадаться, я стал виноватым, хотя это прямо и не было озвучено. Помимо факта сомнения в моей компетентности, начал раздражать и Норман с нарастающим потоком идиотии про легенды и прочие выдумки местных. Вскоре все успокоились, и мы повторили попытку выйти в зону связи.

В этот раз руководил Питер Траун. Я лично предоставил ему это право, дабы успокоить пыл замерзавших солдат. Спустя ещё тридцать минут мы все стояли молча, тяжело дыша и не двигаясь, поскольку снова прибыли в то же место.

Повисшую тишину нарушил очередной предрассудок прямиком из горла Нормана:

– Он играет с нами...

Было трудно, что-то ответить, поскольку такая ситуация напоминала чью-то злую шутку. Мы все, вымотанные и замерзшие, не хотели верить своим глазам. А Томи с Джоном постепенно прислушивались к нагнетаниям Нормана, ища

объяснение в вымысле. Разумеется, меня не устраивал такой расклад, и я предпринял попытку вразумить трио. Посыпались отчаянные оскорбления и бесчисленные упрёки. В один момент мне показалось, что дело дойдет до рукоприкладства, но Боб авторитетными габаритами сумел потушить конфликт, находившийся на границе невозврата.

Тогда я не мог трезво мыслить, поскольку молодая кровь в купе с адреналином повесили пелену на глаза. То место, перевал Духов, ломало нас, начиная с погоды, а заканчивая ужасом, навеки поселившимся в моих воспоминаниях.

После сильной ругани мы все окончательно позабыли о звании солдата и стали действовать по своему усмотрению. Норман, Томи и Джон решили задержаться, дабы дать нам пятнадцатиминутную фору, не желая более идти под нашим руководством. Боб с Айзиком попытались их отговорить, но все было напрасно. Питер же отнесся с равнодушием к затее трио, хотя отказывался верить в свою ошибку. Знай я тогда, что больше никогда не увижу италяшку и Джона, не допустил бы такой глупости...

Пробираясь через сугробы под лютый снегопад, я нервничал, а моя голова так остыла, что в ней стали появляться мысли об ошибочности решения разделить. Все же они не помешали закончить очередной круг и вновь прийти к месту, где ранее Томи с Джоном хотели выпустить на меня пар раздражения и подкрадывающегося страха...

На этот раз мы стояли вчетвером, безмолвные и опусто-

шенные... Круг замкнулся в очередной раз, а наша цель стала походить на утопическую мечту. Все начали спорить, ища правых и виновных. Криков не было, однако напряжение, возникшее между нами, могло детонировать в любой момент.

В порыве выяснения отношений мы не заметили, как пятнадцатиминутная фора прошла, а это означало одно: или мы встретимся с трио, или ему удалось выбраться. Решив подождать ещё немного, парни доели небольшие запасы, и, как только привал был окончен, мы покинули это место.

Будучи полностью сосредоточен на маршруте, я не сразу заметил, как сослуживцы шепотом переговаривались, тем самым определенно не хотели подпускать меня к беседе. Однако я все же сумел уловить нить разговора. Они упоминали Нормана и деревенские предрассудки, которые, по-видимому, нагоняли жуть на солдат. Я не успел влезть в их разговор, потому что увиденное мною и товарищами застало нас врасплох и привело в замешательство. Под одним из больших камней сидел бородатый старик в такой же форме, как и мы. Ноги его были согнуты в коленях и прижаты руками к груди, рядом стоял рюкзак. Мы переглянулись и подошли. Обратились к незнакомцу, но ответа не последовало. Тогда я повторил попытку. Он неспешно поднял свои глаза, посмотрев точно на меня:

– Кевин... Это ты?

Я опешил, но сумел сразу же ответить, хотя и неуверенно:

– Да... А вы кто сэр?

– Боже мой! Это и правда ты? Я не могу в это поверить.

Кхкх...

– Сэр? Мы знакомы?

В этот момент на лице старика скривилась гримаса истинного непонимания и удивления. Было видно, что он хотел что-то сказать, но с огромным трудом подбирал слова:

– Это же... Ам... Я, Норман. Почему ты обращаешься ко мне... сэр? Я так рад тебя видеть...

– Что? Какой ещё Норман?

Этот старик знал меня и представлялся именем моего сослуживца. Вопросов в моей голове становилось только больше.

– Не дури, Кевин. Норман – единственный местный в части. Ты совсем мозги отморозил?

Я не мог поверить своим глазам: седобородый мужчина, сидевший предо мной, был одет в военную форму, рюкзак также оказался наш, и, признаться, черты его лица чем-то напоминали мне того Нормана, которого я знал.

– Не дури... На вот тебе тогда это... – он потянулся к цепочке на своей шее, снял с неё жетон и бросил мне в руки.

– Норман Годалау... Какого чёрта происходит! Откуда у Вас этот жетон?

Не произнеся в ответ ни слова, старик уставился на меня голубыми глазами. Одинокая слеза медленно скатилась по морщинистой скуле, а затем исчезла в густой седой бороде:

– Что со мной, Кевин? Почему ты меня не узнаешь?

Я понял... Нет никаких ошибок или дурацких шуток... Предо мной сидел Норман, тот самый провинциальный паренек, часами ранее отнекивавшийся от выполнения приказа. Только выглядел он как старик, переживший нелёгкую и печальную жизнь.

– Норм... Что случилось? Ты выглядишь, как...

– Как кто я выгляжу, Кевин?

– Старик... Боже, Норм, как такое возможно? Мы не виделись примерно час...

– Час? Да я уже сбился со счёту, сколько сижу под этим проклятым камнем. Последнее, что помню, так это то, как мы с парнями пошли за вами и как налетел невероятной силы порыв ветра. Заприметив это небольшое укрытие, я предложил переждать, но потом... Боже! Это он! Хозяин...

Завороженный и растерянный, я слушал его, не обращая внимания ни на холод, ни на шум эфира, начавшего доноситься из моей рации...

– Кев, он схватил парней, как тряпичных кукол, своими огромными руками... Я вскинул автомат, но не смог нажать на этот чертов спуск... Я...

– Норман, упокойся. Не нервничай и расскажи, что произошло с парнями.

– Хозяин перевала пришёл за нами. Могу поклясться, ростом с двухэтажный дом, с сосульками вместо бороды и глазами...

Он замолчал и смотрел как бы сквозь меня, словно кто-то стоял за спиной и приковал все внимание Нормана.

– Какими глазами, Норм?

– Пустыми...

Списав на стресс, я вновь принялся успокаивать парня, пытаюсь вернуть его из мира предрассудков и суеверий в реальность. Однако дальнейшие события убили во мне всю уверенность и трезвомыслие.

– Сейчас, я нагрее воды и сделаю тебе теплый кофе, а после мы выберемся отсюда. А пока парни поищут остальных наших, – я попытался успокоить его.

Достал походное одеяло и постарался укутать бедолагу, но его следующий вопрос не позволил довести дело до конца:

– Какие парни?

Медленно оборачиваясь, я начал произносить имена, но вдруг мой язык оцепенел на полуфразе: за спиной было пусто. Боб, Айзик и Питер исчезли. Привстав, я вышел из-под каменного козырька... Хотя снегопад и не останавливался, но видимость была достаточной. Парни просто исчезли... Посмотрев на землю, я испытал поистине незабываемое и жуткое ощущение... На идеально ровной поверхности рисовались лишь отпечатки 43 размера армейского ботинка – моего ботинка...

– Их давно нет... И меня нет... – прохрипел Норман.

Услышав эти хрипящие слова из-за спины, я обернулся и ... не увидел старика Нормана... Передо мной сидела высох-

шая мумия, одетая в военную форму...

Не знаю, что мною двигало: то ли любопытство, то ли отчаяние. Возможно, я сошел с ума, но моя рука потянулась к сидящей фигуре. И когда до прикосновения оставалась пара дюймов, раздался непостижимой мощи глухой гул, заставивший прикрыть уши руками. Он походил на горн или даже на сигнал круизного лайнера. Спустя миг звук исчез, а мумия превратилась в пыль. Отскочив от неожиданности, я припал на задницу, и тут дала о себе знать о взбесившаяся рация. Судорожно пытаюсь прикрутить её, пальцы обломали шайбу громкости, оставив работать эту взбесившуюся коробчонку на максимуме.

Признаться, в тот момент я был чертовски взволнован, но то, что услышал, подстегнуло меня бежать в кошмарном испуге. Сквозь шум эфира прорезался голос старика Нормана: – Их нет... И тебя не будет...

Дальше проследовала тирада душераздирательных криков и стонов, завываний и истошного смеха, словно сам ад был на другом конце связи. Я принялся нервно отстегивать карабин в жалких попытках избавиться от рации, но пальцы не слушались, и под сопровождение дьявольского аккомпанемента устремился прочь из укрытия.

По глубокому снегу сильно не побегаешь, к тому же... если перед таким марш-броском уже навернул десяток миль. Поэтому, задыхаясь и кашляя, я с трудом передвигался. Тем временем из рации стал доноситься искаженный техникой

гул, ранее ударивший по моим ушам в укрытии.

И вдруг я остолбенел... Эта картина до сих пор является мне в ночных кошмарах. Мне очень хотелось бы навсегда позабыть весь тот ужас, оборвавшийся грохотом в сердце, но, к сожалению, это невозможно. В центре небольшой поляны была свалена куча из человеческих тел. Изувеченные и изуродованные, они небрежно лежали друг на друге, походя на курум. Я сразу опознал в застывших от колючего холода лицах своих пятерых сослуживцев. Их заледенелые в неопишемом кошмаре глаза смотрели прямым в душу, заставляя чувствовать страх, боль и отчаяние. Истинный ужас я испытал, когда обратил внимание на задний фон этой богомерзкой и бесчеловечной композиции. Огромная, ростом в три человека, фигура, стоявшая позади, протянув руки над телами, впитывала в себя полупрозрачную субстанцию прямым из моих сослуживцев.

Голова этой твари была опущена, и разглядеть её тогда я не сумел. С точностью могу сказать: по форме черепа она слабо походила на человеческую, скорей... на лосиную. К тому же, наросты, находившиеся на верхней части, напоминали рога. Вниз свисали клоки шерсти, скрученные в трубки. Я бы хотел назвать их дредами, но, присмотревшись, распознал в этих практически белых трубках человеческие кости.

Дальше нервы не выдержали, и я достал винтовку. Опутанный страхом и яростью, прицелился, нажал на спуск — чек.... Я совсем забыл о предохранителе, и вместо громкого

выстрела раздался еле уловимый скрежет металла. Его оказалось достаточно, чтоб эта тварь, оторвалась от пиршества и обратила свой взор на меня. Боже... Ее глаза представляли одно сплошное, фосфоресцирующее белое пятно в центре головы. Рот, куда через его руки перетекала полупрозрачная субстанция, выкачанная из горы тел, был не чем иным, как идеально ровной дырой.

Сложно в подробностях описать богохульный портрет невиданной твари. Будь я даже художником, не уверен, что смог бы запечатлеть на холсте весь ужасный облик хозяина перевала. Но что точно помню – я не попробовал совершить второй выстрел...

Огромная тварь сделала неуклюжий шаг ко мне, и я, не задумываясь ни на минуту, бросился прочь по узкой колее, проделанной мною по пути сюда. Не оборачиваясь, шаг за шагом, я пытался бежать по глубокому снегу, четко осознавая: стоит оступиться – и жизнь наверняка покинет меня в тот же момент. Основанием служил тяжелый гул, приближавшийся и усиливавшийся с каждым моим неловким движением.

Вскоре колея практически исчезла – снег продолжал падать, усложняя и без того мой нелёгкий путь. Я уже приблизился к тропе между обрывом и заснеженным лесом, по которой мы проходили несколько часов назад, когда почувствовал сильный удар в спину. Совершив пару кувырков, я оказался на краю белого подмерзшего уступа, лёжа лицом в

снегу. Поднял взгляд... В двадцати метрах, словно зависшее в воздухе, на меня уставилось лицо этой твари. В светящейся сфере, в центре, в ее одном глазу, гипнотическом, завораживающем, я увидел всю мою быстро пролетевшую жизнь.

Направив свой взгляд в рот твари, я испытал мерзкое отвращение и ужас. Идеально круглая дыра была наполнена множеством мелких игл бледно-коричневого цвета с ещё более мелкими наростами на них. Зловония я не почувствовал, лишь слабый болотистый запах ударил в нос. А вслед за ним последовал тот самый давящий гул – рев хозяина перевала. Ошарашенный и напуганный, я попятился назад...

Кто знает, чем все это могло закончиться, если бы не обрыв за моей спиной! Последнее, что помню, так это полет вниз, а та тварь наверняка провожала взглядом моё быущее о камни тело.

Очнулся я уже в госпитале в окружении высокопоставленных военных и врачей. Люди в форме не склонны к тактичности и плавности, так что, вопреки наставлениям врачей, сразу выложили информацию, которая повергла меня в шок. После того как мы перестали выходить на связь, на поиски выслали большую группу солдат. После трех дней радиус поиска увеличили, и все равно не было найдено ни следа. Меня нашли спустя две недели после начала операции в ста метрах от места, где располагался штаб. А ещё через день обнаружили остальных членов группы. Их тела были поломаны и изувечены.

Нашли всех, кроме Нормана... Поскольку я был единственным, кто выжил, следователи по делу вместе с военными сделали все, чтобы я пожалел о втором рождении, поскольку всеми способами выбивали информацию о событиях на перевале Духов. Однажды я поведал свою правду и попал на больничную койку, где пять лет провел в забытой богом лечебнице в лесу.

По итогу все списали на Нормана, якобы он сошел с ума и убил всю группу, а меня сбросил с утеса, что и спасло мне жизнь... Но истина была более жуткая и сакральная. Отряд, отправившийся на поисковую операцию, попал туда, где нет места живым, где тайны и секреты древних народов и легенд находятся под стражей хозяина перевала...